

Устюжанина Светлана Сергеевна, магистрант, Юридический факультет/

Кафедра уголовного права, процесса и криминалистики

Сибирский университет потребительской кооперации (СибУПК) г.

Новосибирск

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДОМАШНЕЕ НАСИЛИЕ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ДОКАЗЫВАНИЯ

Аннотация

В статье рассматриваются гендерные аспекты уголовной ответственности за домашнее насилие в Российской Федерации с акцентом на проблемы квалификации и доказывания соответствующих деяний. Обосновывается, что отсутствие самостоятельного состава преступления, охватывающего домашнее насилие, приводит к фрагментарному применению норм уголовного закона (в частности, статей о побоях, истязании, угрозе убийством), что затрудняет единообразие правоприменения и снижает эффективность защиты потерпевших.

Abstract

The article examines the gender aspects of criminal liability for domestic violence in the Russian Federation, with a focus on the problems of qualification and proof of the relevant acts. It is substantiated that the absence of an independent corpus delicti encompassing domestic violence leads to the fragmented application of the norms of criminal law (in particular, the articles on beating, torture, and threat of murder), which complicates the uniformity of law enforcement and reduces the effectiveness of the protection of victims.

Ключевые слова: домашнее насилие, уголовная ответственность, гендерный подход, квалификация преступлений, доказывание, семейно-бытовые

преступления, виктимология, права потерпевших, уголовное право, судебная практика

Keywords: domestic violence, criminal liability, gender approach, qualification of crimes, proof, family and domestic crimes, victimology, rights of victims, criminal law, judicial practice

Домашнее насилие в российском уголовном праве до настоящего времени не получило закрепления в виде самостоятельного состава преступления. Это означает, что правоприменитель вынужден квалифицировать соответствующие деяния через совокупность уже существующих норм о побоях, причинении легкого вреда здоровью, истязании, угрозе убийством либо причинением тяжкого вреда здоровью, а в более тяжких случаях — через нормы о причинении средней тяжести или тяжкого вреда здоровью и даже об убийстве. Такая конструкция формально позволяет реагировать на отдельные эпизоды насилия, однако не охватывает домашнее насилие как продолжающееся, цикличное и основанное на власти и зависимости явление. Именно в этом проявляется первая и ключевая проблема: российский уголовный закон реагирует преимущественно на разрозненный акт причинения физической боли или вреда здоровью, тогда как реальная семейно-бытовая агрессия чаще представляет собой систему повторяющихся физических, психических и иногда экономических воздействий. На это обращали внимание и межгосударственные органы в материалах, опубликованных Верховным Судом РФ: в обзоре по делу «Володина против Российской Федерации» прямо отмечено, что домашнее насилие не является в российском праве отдельным преступлением и не рассматривается как отягчающий элемент любого состава.

С точки зрения действующего закона наиболее часто в семейно-бытовой сфере применяются статья 6.1.1 КоАП РФ, статья 116.1 УК РФ, статья 117 УК РФ и статья 119 УК РФ. Административная статья 6.1.1 КоАП РФ охватывает нанесение побоев или иные насильственные действия, причинившие физическую боль, если они не содержат уголовно наказуемого деяния; уголовная

статья 116.1 УК РФ после изменений 2022 года распространяется на побои, совершенные лицом, подвергнутым административному наказанию, а также лицом, имеющим судимость за насильственное преступление; статья 117 УК РФ предусматривает ответственность за причинение физических или психических страданий путем систематического нанесения побоев либо иными насильственными действиями; статья 119 УК РФ требует, чтобы угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью воспринималась как реальная. Уже из самой конструкции этих норм видно, что законодатель разбил единое социальное явление на несколько самостоятельных деликтов, между которыми правоприменитель вынужден постоянно проводить разграничение. Это порождает коллизию не только квалификационного, но и доказательственного характера: чем дольше длится насилие, тем труднее отграничить разовый эпизод побоев от систематического истязания, а угрозу — от психологического насилия, не охватываемого уголовным законом напрямую.

Первая крупная проблема квалификации состоит в разграничении административно наказуемых побоев и уголовно наказуемого повторного насилия. После декриминализации части побоев и их переноса в КоАП РФ значительная часть семейно-бытовых конфликтов начала рассматриваться именно как административные правонарушения. Формально модель построена по ступенчатому принципу: первый установленный эпизод — административная ответственность, последующее аналогичное насилие со стороны лица, подвергнутого административному наказанию, — уголовная ответственность по статье 116.1 УК РФ. Однако именно эта конструкция и вызвала наибольшую критику, поскольку в реальной жизни жертва домашнего насилия часто сталкивается не с единичным актом, а с повторяющимся насилием, которое может долго не фиксироваться должным образом. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 8 апреля 2021 года № 11-П по жалобе Л. Ф. Саковой признал, что прежняя редакция статьи 116.1 УК РФ не обеспечивала надлежащей защиты в ситуации, когда побои наносились лицом, имеющим судимость за насильственное преступление, но не подпадающим под формальный критерий

«подвергнутости административному наказанию». Во исполнение этой позиции был принят Федеральный закон от 28 июня 2022 года № 203-ФЗ, которым статья 116.1 УК РФ была изменена и дополнена. Тем самым Конституционный Суд фактически подтвердил: чрезмерно узкая формализация повторности в делах о домашнем насилии приводит к правовым лакунам и к ситуации частичной безнаказанности.

Значение дела Саковой трудно переоценить. По существу, Конституционный Суд указал, что государство не вправе выстраивать такую модель уголовно-правовой охраны, при которой повторное насилие в семейно-бытовой сфере оказывается менее защищенным только потому, что законодатель связал уголовную ответственность с узким формальным признаком предшествующего административного наказания. Для гендерного подхода это особенно важно, поскольку домашнее насилие, как это признается и в международной практике, затрагивает прежде всего женщин, находящихся в отношениях зависимости, страха и социального давления. Следовательно, буквальный, сугубо формальный подход к признакам повторности в таких делах фактически работает против потерпевшей стороны: именно жертва должна многократно обращаться в полицию, добиваться административного производства, затем вновь фиксировать очередной эпизод и только после этого получать шанс на уголовно-правовую защиту. Такая модель в криминологическом и правозащитном смысле запаздывает, поскольку реагирует не на насилие как систему, а на последовательность бюрократически подтвержденных эпизодов.

Вторая серьезная проблема связана с истязанием по статье 117 УК РФ. На первый взгляд именно эта норма ближе всего подходит для квалификации домашнего насилия, поскольку она говорит о причинении физических или психических страданий путем систематического нанесения побоев либо иными насильственными действиями. Однако на практике применение статьи 117 УК РФ связано с особыми сложностями доказывания. Необходимо подтвердить не один и не два изолированных акта агрессии, а именно систематичность,

повторяемость, устойчивость насильственного поведения и его способность причинять потерпевшему физические или психические страдания. Верховный Суд РФ в своих материалах по уголовным делам неоднократно исходил из того, что решающим является не только количество эпизодов, но и их взаимосвязь, общая направленность поведения виновного и характер причиняемых страданий. Показателен материал Верховного Суда, в котором указано, что действия лица, систематически избивавшего приемную дочь и совершавшего в отношении нее иные насильственные действия, были квалифицированы по части 2 статьи 117 УК РФ и другим статьям УК РФ; аналогично в другом деле Верховный Суд рассматривал эпизоды истязания в совокупности с другими насильственными преступлениями. Эти примеры важны тем, что для статьи 117 УК РФ центральным становится не сам по себе отдельный удар, а доказанная система подчиняющего насилия.

Но именно здесь проявляется и практическая слабость нормы. В бытовой ситуации потерпевшая нередко не может точно назвать даты всех эпизодов, не обращается после каждого из них за медицинской помощью, поздно сообщает о происходящем родственникам и часто меняет показания под влиянием примирения, страха или экономической зависимости. Вследствие этого серия насильственных действий может распадаться в процессе доказывания на несколько «недостаточно подтвержденных» эпизодов, каждый из которых сам по себе не дотягивает до уголовно значимого результата. В итоге вместо статьи 117 УК РФ правоприменитель нередко ограничивается административной квалификацией отдельных побоев либо вообще приходит к выводу о недостаточности доказательств. Для гендерного анализа особенно важно, что зависимость потерпевшей стороны в семье имеет не только эмоциональный, но и материальный характер: проживание с агрессором, наличие детей, финансовая несамостоятельность, боязнь общественного осуждения. Формально эти обстоятельства не меняют состав преступления, но фактически определяют возможность или невозможность его доказывания. Поэтому проблема

домашнего насилия лежит не только в плоскости материального права, но и в плоскости доказательственного стандарта.

Третья проблема касается статьи 119 УК РФ об угрозе убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. Сама диспозиция нормы связывает уголовную ответственность с наличием оснований опасаться осуществления угрозы. Тем самым законодатель требует не только факта высказывания либо демонстрации угрозы, но и установления ее реальности. Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума от 27 января 1999 года № 1 и в последующей практике последовательно исходит из того, что при оценке угрозы необходимо учитывать все обстоятельства дела: характер отношений между виновным и потерпевшим, способ выражения угрозы, предшествующее насильственное поведение, обстановку и иные данные, свидетельствующие о реальности опасения. Более того, в обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 3 за 2017 год разъяснено, что угроза убийством может быть выражена в любой форме и отсутствие словесных формулировок само по себе не исключает ответственности по статье 119 УК РФ. Это чрезвычайно значимо для дел о домашнем насилии, поскольку в них угроза часто носит невербальный характер: демонстрация ножа, удушение без причинения длительного вреда, блокирование выхода из помещения, жесты, известные потерпевшей по предшествующим эпизодам насилия.

Реальная судебная практика подтверждает, что семейный контекст способен придавать угрозе повышенную достоверность. В одном из материалов Верховного Суда РФ указано, что осужденный Б. был признан виновным в угрозе убийством своей жене Н., а впоследствии — и в ее убийстве с особой жестокостью. Этот пример показателен не только трагическим исходом, но и тем, что он демонстрирует типичную для домашнего насилия эскалацию: угроза не существует изолированно, она встроена в линию предшествующей агрессии и потому должна оцениваться судом не как бытовая ссора, а как маркер реальной опасности. В другом материале Верховного Суда по делу Урозаевой отмечено, что потерпевшая воспринимала угрозы убийством как реальные и была

вынуждена скрываться. Для научного анализа это важно потому, что доказывание реальности угрозы в семейно-бытовой сфере не может сводиться к проверке буквального содержания сказанных слов; оно требует исследования всей истории насильственного контроля, предшествующих побоев, преследования, угроз детям, изъятия телефона, ограничения свободы передвижения и иных обстоятельств.

Отдельного внимания заслуживает процессуальная сторона проблемы. Дела о преступлениях, предусмотренных частью 1 статьи 115 УК РФ и частью 1 статьи 116.1 УК РФ, в силу статьи 20 УПК РФ относятся к делам частного обвинения. Это означает, что инициатива их возбуждения в общем порядке зависит от самого потерпевшего, а дело подлежит прекращению в связи с примирением. Для обычного конфликта между равными субъектами такая модель еще может считаться приемлемой, но в условиях домашнего насилия она нередко оборачивается перекладыванием бремени уголовного преследования на жертву. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 28 марта 2024 года № 13-П по жалобе Г. И. Баскаковой признал неконституционным такой подход к толкованию процессуальных норм, при котором районные суды могли отказывать в принятии заявлений по делам частного обвинения о побоях. Суд подчеркнул необходимость эффективного доступа к правосудию. Эта позиция имеет принципиальное значение: даже если материально-правовая защита остается фрагментарной, процессуальный барьер не должен делать ее фиктивной. Вместе с тем сама природа частного обвинения в сфере домашнего насилия по-прежнему вызывает серьезные возражения, поскольку примирение в таких делах нередко является следствием давления, зависимости или страха, а не результатом свободного волеизъявления потерпевшей стороны.

Позиция Пленума Верховного Суда РФ по вопросам назначения наказания также важна для анализа дел о домашнем насилии. В Постановлении Пленума от 22 декабря 2015 года № 58, действующем в редакции от 23 декабря 2025 года, подчеркивается необходимость строго индивидуального подхода к назначению наказания; кроме того, Верховный Суд разъясняет, что перечень отягчающих

обстоятельств, предусмотренный статьей 63 УК РФ, является исчерпывающим и не подлежит расширительному толкованию, а суду необходимо учитывать влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи. Для рассматриваемой темы это означает двойственный эффект. С одной стороны, Пленум ориентирует суды на мотивированное и индивидуализированное решение, что само по себе правильно. С другой стороны, отсутствие в статье 63 УК РФ специального указания на совершение преступления в отношении супруга, бывшего супруга, сожителя или иного близкого лица как на самостоятельноеотягчающее обстоятельство сужает возможности учета повышенной общественной опасности домашнего насилия именно как формы злоупотребления личной зависимостью и доверием. Иными словами, даже когда суд видит семейный контекст и длительность насильственного поведения, он не всегда располагает точным уголовно-правовым инструментом для отражения этой специфики в квалификации и в назначении наказания.

Именно поэтому одним из законодательных путей решения проблемы представляется не обязательно немедленная криминализация «домашнего насилия» в предельно широкой и оценочной формуле, а более точечная модернизация уже действующих норм. Во-первых, представляется обоснованным дополнить статью 63 УК РФ самостоятельным отягчающим обстоятельством — совершение насильственного преступления в отношении супруга, бывшего супруга, иного близкого лица либо лица, находящегося в материальной, семейной или иной зависимости от виновного. Такая конструкция позволила бы учитывать специфику злоупотребления доверием и зависимостью без ломки всей Особенной части УК РФ. Во-вторых, целесообразно перевести хотя бы часть наиболее типичных эпизодов семейно-бытового насилия из частного обвинения в частно-публичное либо публичное преследование, если потерпевший находится в отношениях совместного проживания, воспитания детей или иной очевидной зависимости от обвиняемого. В-третьих, нуждается в уточнении сама статья 117 УК РФ: в ее диспозиции можно было бы прямо

указать на систематическое причинение физических или психических страданий в сфере семейно-бытовых отношений как на квалифицирующий признак либо как на специально выделенный состав. Наконец, целесообразно нормативно закрепить более ясные стандарты оценки психологического насилия и контроля, если они сопровождаются реальной угрозой причинения вреда жизни и здоровью. Эти предложения логически вытекают из тех пробелов, которые были выявлены Конституционным Судом РФ и отражены в практике Верховного Суда РФ.

При этом необходимо подчеркнуть, что гендерный подход в уголовном праве не означает отказа от принципа равенства. Речь идет не о введении «мужской» и «женской» уголовной ответственности и не о признании жертвой исключительно женщины. Гендерный подход в данном контексте означает учет эмпирически подтверждаемой уязвимости определенной группы потерпевших и тех социальных механизмов, которые препятствуют своевременной защите их прав. Международные материалы, отраженные в обзорах Верховного Суда РФ, прямо связывают насилие в отношении женщин, включая домашнее насилие, с формой дискриминации и с обязанностью государства обеспечивать эффективную правовую защиту. Для российского права это означает необходимость перехода от формально нейтральной, но порой недостаточно чувствительной модели к модели субстантивной защиты, при которой правовые механизмы учитывают отношения зависимости, цикличность насилия, трудности выхода из насильственной среды и риск последующей эскалации. Без такого подхода закон продолжит фиксировать уже наступившие телесные последствия, но не будет полноценно предупреждать наиболее опасные формы домашней агрессии.

Таким образом, действующее уголовное законодательство Российской Федерации предоставляет инструменты для реакции на отдельные проявления домашнего насилия, однако эти инструменты остаются фрагментарными, процессуально затрудненными и не всегда адекватными реальной структуре семейно-бытовой агрессии. Судебная практика Верховного Суда РФ, позиции

Конституционного Суда РФ по делам Саковой и Баскаковой, а также международно-правовые ориентиры убеждают в том, что проблема заключается не в полном отсутствии правовой защиты, а в ее несистемности. Наиболее перспективным направлением реформы представляется сочетание трех решений: усиление материально-правовой оценки семейного насилия через квалифицирующие и отягчающие признаки, сокращение зависимости защиты от воли самой жертвы в делах частного обвинения и развитие доказательственных подходов, позволяющих учитывать не только отдельный эпизод, но и весь контекст насильственного контроля. Именно такой подход способен придать уголовно-правовой охране в сфере домашнего насилия не декларативный, а действительно эффективный характер.

Список использованных источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок) // Официальный интернет-портал правовой информации.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. действующая) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. действующая) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
4. Постановление Пленума Верховный Суд Российской Федерации от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Российская газета. 2013. № 145.
5. Постановление Пленума Верховный Суд Российской Федерации от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2.
6. Антонян Ю. М. Криминология: учебник. М.: Норма, 2021. 640 с.

7. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М.: Норма, 2019. 352 с.
8. Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М.: Проспект, 2022. 784 с.
9. Лопашенко Н. А. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть. М.: Юрлитинформ, 2021. 832 с.
10. Долгова А. И. Криминология: учебник для вузов. М.: Норма, 2020. 912 с.
11. Бородин С. В. Преступления против личности. М.: Юрайт, 2021. 256 с.
12. Жалинский А. Э. Уголовное право: учебник. М.: Норма, 2020. 768 с.
13. Рарог А. И. Уголовное право России. Общая часть. М.: Проспект, 2021. 560 с.
14. Бурковская В. А. Домашнее насилие как криминологическая проблема // Криминологический журнал. 2020. № 3. С. 45–52.
15. Козлова Н. В. Проблемы уголовно-правовой квалификации преступлений, совершаемых в семейно-бытовой сфере // Российский судья. 2021. № 7. С. 32–36.
16. Соловьев И. А. Особенности доказывания по делам о домашнем насилии // Уголовное право. 2022. № 5. С. 67–72.
17. Официальный сайт Верховный Суд Российской Федерации. URL: <http://www.vsrfr.ru> (дата обращения: 21.04.2026).
18. Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 21.04.2026).
19. Совет Европы. Конвенция о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (Стамбульская конвенция). URL: <https://www.coe.int> (дата обращения: 21.04.2026).
20. КиберЛенинка: научная электронная библиотека. URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 21.04.2026).

List of sources us:

1. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on 12.12.1993 (as amended) // Official Internet Portal of Legal Information.

2. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated 13.06.1996 (as amended) // Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.

3. Code of Administrative Offences of the Russian Federation No. 195-FZ dated 30.12.2001 (as amended) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1 (Part 1). Art. 1.

4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/27/2013 No. 19 "On the application by Courts of legislation Regulating the grounds and procedure for exemption from criminal liability" // Rossiyskaya Gazeta. 2013. No. 145.

5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 22.12.2015 No. 58 "On the Practice of Imposing Criminal Punishment by the Courts of the Russian Federation" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2016. No. 2.

6. Antonyan Yu. M. Criminology: Textbook. Moscow: Norma, 2021. 640 p.

7. Kudryavtsev V. N. General Theory of Crime Classification. M.: Norma, 2019. 352 p.

8. Naumov A. V. Russian Criminal Law. General Part: Course of Lectures. M.: Prospekt, 2022. 784 p.

9. Lopashenko N. A. Criminal Law of the Russian Federation. Special Part. M.: Yurlitinform, 2021. 832 p.

10. Dolgova A. I. Criminology: Textbook for Universities. Moscow: Norma, 2020. 912 p.

11. Borodin S. V. Crimes Against the Individual. Moscow: Yurayt, 2021. 256 p.

12. Zhalinsky A. E. Criminal Law: Textbook. Moscow: Norma, 2020. 768 p.

13. Rarog A. I. Criminal Law of Russia. General Part. Moscow: Prospekt, 2021. 560 p.

14. Burkovskaya V. A. Domestic Violence as a Criminological Problem // Criminological Journal. 2020. No. 3. Pp. 45–52.

15. Kozlova N. V. Problems of Criminal Law Qualification of Crimes Committed in the Family and Domestic Sphere // Russian Judge. 2021. No. 7. Pp. 32–36.

16. Solovyov I. A. Features of Proof in Cases of Domestic Violence // Criminal Law. 2022. No. 5. Pp. 67–72.

17. Official website of the Supreme Court of the Russian Federation. URL: <http://www.vsrp.ru> (accessed: 21.04.2026).

18. Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed: 21.04.2026).

19. Council of Europe. Convention on the Prevention and Combating of Violence against Women and Domestic Violence (Istanbul Convention). URL: <https://www.coe.int> (accessed on 21.04.2026). 20. CyberLeninka: Scientific Electronic Library. URL: <https://cyberleninka.ru> (accessed on 21.04.2026).